

DOI: 10.33184/dokbsu-2024.3.4

Семантическое своеобразие эмотивов страха в русском языке: диахронический аспект

Л. А. Киселева

*Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева
Россия, 443086 г. Самара, Московское шоссе, 34.*

Email: larisakiseleva2015@yandex.ru

Статья посвящена анализу семантики эмотивных единиц со значением страха в русском языке XV–XVII вв. Установлено, что семантическое развитие этих единиц определялось действием ряда закономерностей: 1) синкретичное выражение пограничных значений, в частности статального и кваликативного, статального и каузативного и т.д.; 2) дифференцированное обозначение различных аспектов эмоций (степени интенсивности, длительности, внешнего выражения); 3) образное описание эмоций с помощью моделей метафорического и метонимического переноса типа «эмоция – материальный предмет», «эмоция – живое существо» и т.п.

Ключевые слова: эмоции, эмотивность, русский язык, семантика, диахрония.

Анализ лексических множеств, входящих в языковую систему той или иной эпохи, предполагает учет тенденций формирования и развития данной группировки в предшествующие периоды. Именно сопоставление разных этапов исторической эволюции языковых единиц позволяет во всей полноте представить и адекватно описать их семантические и формальные изменения. Это особенно важно в том случае, когда мы имеем дело с классами абстрактной лексики, поскольку закономерности их развития обусловлены прежде всего внутриязыковыми причинами, а именно содержательными взаимосвязями слов. Эти связи отражают относительную степень познания реалий мира, а потому зависят от динамики лексико-семантической системы языка. Именно в этом состоит отличие языковых множеств, объединяющих, например, абстрактные эмотивные единицы, от тематических групп, взаимоотношения между членами, которых во многом предопределяются внеязыковыми связями предметов и явлений действительности.

В данной работе мы сосредоточим свое внимание на отдельном фрагменте эмотивной системы русского языка XV–XVII вв. – средствах обозначения и образного описания страха, одной из базовых эмоций, имеющих универсальный (кросскультурный) характер. Следует подчеркнуть, что в последние десятилетия лингвисты проявляют интерес к анализу особенностей репрезентации страха в русском языке, однако преимущественно в синхронном аспекте [2; 4; 7; 10] либо в сопоставлении с фактами других языков [3; 6; 8], тогда как историческое развитие соответствующих единиц исследовано не в полной мере (см., например, [1; 5]). Обращение к данному периоду истории

русского языка не случайно: именно в это время отмечается, с одной стороны, уменьшение первоначального состава эмотивов страха, сформировавшегося еще в древнерусскую эпоху (в частности, непрерывная утрата избыточных форм, образованных в результате реализации различных моделей словопроизводства, что ведет к распаду синонимических групп); с другой – сохранение семантико-структурного ядра парадигмы и ее пополнение новыми элементами. Впоследствии, в XVIII–XIX вв., действие данных тенденций приведет к преобразованию всей системы смысловых отношений эмотивов страха.

В старорусском языке было представлено небольшое число ядерных предикатов страха, унаследованных из предшествующего периода, которые, как и ранее, недифференцированно обозначали среднюю/низкую или среднюю/высокую интенсивность чувства, – *блжстись, бояться* (в т.ч. *от кого*), *обиноватися, опасатися* (в т.ч. *о чем*), *трепетати, ужасатися*. *Всѣхъ трепещеть и боится таковой: сѣней, стѣнь, камней самыхъ, яко гласъ испущающихъ <...>* (Маргарит) ВМЧ, Сент. 14–24, 1000. XVI в. ~ XV в. [9, вып. 12, с. 90]. Однако в отличие от древнерусского языка в XV–XVII вв. глагольные эмотивы страха почти не употребляются для обозначения духовных качеств благоговения, священного ужаса перед богом, вследствие чего лексикографические источники не фиксируют метонимические перифразы, образованные сочетанием предикатов страха с именами так называемых «констант психики» типа *дух, душа, сердце*. Функционирование предикатов страха в этот период прежде всего связано с отражением непосредственного психологического состояния лица. В целом можно сказать, что в русском языке XV–XVII вв. страх в отличие от других эмоций (например, радости или печали) интерпретируется как более «земное» чувство.

Пополнение класса ядерных эмотивов страха происходит за счет лексем, которые с формальной и семантической точек зрения соотносились с глаголами, продолжавшими функционировать в рассматриваемую эпоху: *жаситися* «страшиться», *облюдатися, пастися, опасати* чего «остерегаться, опасаться, бояться». Собственно новообразованием можно считать предикат *робѣти*, обозначающий поведенческое проявление чувства страха. Инвариантную семантику представляют также узуальные сочетания *быти въ опасѣ отъ кого, видати страх, держати опась: Литовские люди... войною хотять идти, и намъ бы отъ нихъ быть въ опасѣ*. ДАИ II, 23. 1613 г. [9, вып. 13, с. 6]. Периферию группы исходных предикатов страха составляли лексемы и фразеосочетания, обозначавшие внешние признаки эмоции, – параэмотивы. Как и в предыдущий период, в старорусском языке преимущественно концептуализируются лишь наиболее яркие симптомы страха – его соматические проявления, прежде всего дрожь и оцепенение: *дрожать, дрогати, дрожь, ни живъ, ни мертвъ* «в состоянии оцепенения от испуга»: *Другие рыбы говорят... Мы от ево бежим, плачем да дрожим*. Ерш Ершович, 158. XVIII в. ~ XVII в. [9, вып. 4, с. 358]. Интересно, что у приведенных параэмотивов слова-

ри выделяют первичное значение физиологической деятельности с указанием на качество чувства-причины, например, «дрожать от страха».

Класс именных эмотивов страха в основном сохраняет свой первоначальный состав, сложившийся еще в древнерусскую эпоху: в XV–XVII вв. продолжают функционировать лексемы *боязнь, боязньство, гроза, обинование, опас, отороп, страхование, страх, трепет, ужас*. Большая часть данных слов по-прежнему объединяла в своей семантической структуре представления о разной степени интенсивности страха: например, эмотив *гроза* характеризовался комплексным значением «страх, ужас», а лексемы *обинование, опас* имели широкое значение и эмоционального состояния страха, и интеллектуальной эмоции опасения: *И царь прислалъ къ Василью Аппака князя, чтобы Василей къ нему поѣхалъ безъ всякаго **опаса***. Крым. д. II, 239. 1516 г. [9, вып. 13, с. 9]. Эта тенденция была очень актуальной и распространялась на те эмотивы страха, которые вошли в систему языка в изучаемый период, – *выстереганье, опасение, опасность*: *Нашимъ посломъ масленые заговѣйна быти въ себе безъ всякаго **выстереганья** и задержанья*. Польск. д. I, 599. 1521 г. [9, вып. 3, с. 259]. Кроме того, в именную парадигму включаются новые элементы, которые формально соотносятся с другими эмотивами страха, но вносят дополнительные смыслы в инвариантную семантику: так, эмотив *всполох* обозначает внешнее (поведенческое) проявление сильного, панического страха; лексемы *перестрастие, пристрастие, пристрашие* называют и собственно эмоциональное состояние лица, и действия устрашающего; эмотивы *подобострастие* и *несмѣльство* служат обозначениями сложных эмоциональных качеств – надлежащего страха, уважения, а также робости. В данном случае мы сталкиваемся с несовершенством лексикографических толкований эмотивов: у слова *несмѣльство* отмечается синкретичное значение состояния/качества, тогда как лексемам *несмѣлость, несмѣние, нехрабрство*, образованным посредством формантов с абстрактной семантикой, приписывается лишь значение морального качества «трусость, робость».

Парадигма адъективных эмотивов страха в изучаемую эпоху утрачивает более половины своего исходного состава, причем в первую очередь перестают функционировать лексемы с предикативным значением «боящийся, испытывающий страх».

Названное значение выражается лишь двумя эмотивами – *опасный* (в т.ч. *кого*) и *подобострастный* «находящийся в подобающем состоянии страха, уважения»: *И я, сирота твой, Федота **опасень**, потому что онъ Федотъ ходитъ за всякимъ дуровствомъ*.

А. черд., 144. 1699 г. [9, вып. 13, с. 9]. Аналогично этому существенно сокращается количество прилагательных с квалификативным значением «страшный, ужасный; вызывающий страх»; из исходного состава сохраняются лексемы *боязненный, грозный, лютый, опасный, страшный, ужасный*: *И родился у него конь велми чудень и **грозень**, и никто на него не смѣяше сестъ*. Сл. о ц. Мих., 161. XVII–XVIII вв. ~ XVII в. [9, вып. 4, с. 140].

Идентичное содержание начинает выражаться эмотивами, относящимися к корневым группам с семантикой страха, например отсубстантивными прилагательными (*вспо-*

лошный от *всполох*) или адъективами, образованными от лексем, которые функционировали в изучаемую либо предшествующую эпоху (*всестрашный* от *страшный*): [Мученица Еутропия] *извъстоваше, видѣ всестрашна мужа, подобна сыну божию, его же воини не видяху*. ВМЧ, Окт. 19–31, 2042. XVI в. [9, вып. 3, с. 133].

Важно подчеркнуть, что для языковой системы XV–XVII вв. характерно отсутствие соотносительных пар адъективных и наречных эмотивов страха. Так, в регулярные деривационные отношения вступают лишь лексемы *боязненный*: *боязненно*, *страшный*: *страшно*, *ужасный*: *ужасно* и некоторые другие. Аналогично предшествующему периоду наречные формы выполняют как функцию эмоциональной (психологической) оценки разного рода событий, действий, так и функцию обозначения душевного состояния лица, например: *Услышавше же людие слово се, боязненно въскорбѣша*. Библия. Остр., 41. 1581 г. [9, вып. 1, с. 307]. В памятниках старорусского языка впервые фиксируется безлично-предикативное употребление обстоятельственных слов: *Горе ж<е> есть и люто еж<е> умрети члку дшевною смртью*. ВМЧ, Апр. 22–30, 1016 [9, вып. 8: 345].

Для выражения результативной семантики, как и в древнерусский период, используются глаголы *восплашиться*, *вострепетати*, *огрозиться*, *омертвѣти*, *опастися*, *преужаснуться*, *убояться*, *ужаснуться*, *устрашиться*, а также дескриптивные сочетания *объяться страхом*, *гроза обоиде*, *нападал ужас*, *страх обуюет* и т.п.: *Смерти убоялся и великим страхом обялся*. Сказ о куре и лисице, 219. XVIII в. ~ XVII в. [9, вып. 12: 210]. Однако в русском языке XV–XVII вв. отмечаются специфические преобразования данной группировки, обусловленные действием нескольких семантических процессов: 1) возникновение чувства страха начинает активно обозначаться лексемами с продуктивными словообразовательными формантами, выражающими ингрессивное значение: *из-*(*ис-*), *за-*, *по-*, *об-* и т.д., например *изробѣти*, *испугаться*, *исторопиться*, *исполошиться*, *заботиться*, *полякаться*, *обстрашиться*: *Царевна исполошилася и пала ничь на землю*. Уруслан, 124 [9, вып. 6, с. 283]; 2) в класс результатов страха входят слова, заключающие в своем значении дополнительные семантические компоненты, например семы 'высокая интенсивность чувства' (*исстращаться*, *перепугаться*), 'низкая интенсивность чувства' (*поопастися*, *попастися* «побояться»), 'небольшая длительность чувства' (*поужаснуться* «ужасаться некоторое время») и др.; 3) растет число устойчивых сочетаний имен страха с глаголами, обозначающими различные виды человеческой деятельности и действий. Источником таких оборотов, как *страхъ обтече*, *страхъ возмет*, *страхъ объемляше*, *страхъ пронзи* являются концептуальные метафорические модели «эмоция – живое существо», «эмоция – материальный предмет» и др.: *Нась страхъ объемляше стремления ради воднаго*. Ж. Зос. С., 97. XVI в. [9, вып. 12, с. 213].

В рассматриваемый период активно пополняется парадигма результатов во вторичном значении, в основе которых лежит метонимический перенос «эмоция – ее физиологический симптом»: *возгодовати*, *вострястися*, *дрогнути*, *задрожати*, *подрожати* от кого-чего: *Да се въдяще правовѣрнии людие вострясошася...* ВМЧ, Ноябрь 13–15,

948. XVI в. [9, вып. 3, с. 64]. Метонимизация значения данных предикатов способствовала их употреблению в сочетании с именами неодушевленных «носителей» чувства страха: *не возгодова земля, Москва задрожит* и др. В лексической системе старорусского языка был представлен также ряд предикатов физиологической деятельности, вызванной переживанием страха. Это единицы со значением «задрожать» (*вздрыгнутиися, въздрожати, потрястися, продрожати*) и со значением прекращения кинетической деятельности «оцепенеть» (*измерзати, обмертвѣти, омерзѣти*): *Удиви же ся кесарь, видѣвъ, и отъ страха омерзѣ*. Хроногр. 1512 г., 230 [9, вып. 12: 365]. Большинство данных предикатов образуют описательные сочетания с метонимически употребленными названиями органов и частей тела человека (*сердце озябло, сердце вострепетало, ноги задрожали* и др.): *И вострепетало мое ретивое сердце и подрожали мои белые ручки*. Сказ. мол. дев., 88. XVII в. [9, вып. 3, с. 63]. Нами зафиксирована также идиома *волосы дыбом*, обозначающая симптомы становления высокоинтенсивного чувства страха. В отличие от предшествующего периода в языковой системе XV–XVII вв. отмечен всего один предикат с финитивным значением «выйти из оцепенения, оправиться от испуга» – *отерпати*.

Семантическая эволюция каузативов страха имела примерно ту же направленность. Сохраняется смысловое ядро парадигмы – глаголы *грозити(-ся), загрозити, страшити, пострашати/пострашити, устрашати/устрашити, постращати, пострастити, жасати/жасити, прежасати/прежасити, ужасити*: *Сие смиренное отроча наше... мы о нем въ удивлении есмы и печаль о нем зѣло жасит ны*. Ж. Серг. Р. Епиф., 27. XVI в. ~ 1418 г. [9, вып. 5, с. 76]. Новые элементы группы в основном представляют собой совершенные глаголы со значением эффективной каузации страха, образованные посредством префиксов *за-*, *ис-*, *о-*. Важно отметить, что парадигма каузативов страха была неоднородна по своей семантике, в ней выделялись следующие группы языковых единиц:

а) предикаты со значением интенциональной (чаще всего речевой) каузации страха – *пужати/пуживати, застрастити, острастити, застращати, остращати, исстращати, постращивати* «пугать», *заграживати, погрожати/погрозити(-ся), попрѣтити, расплошити* «разогнать, распугать», *поносити* «пугать, угрожать», *груститися* «угрожать»: *Да ани ж, гдрь Иван Семенович, меня атаманишка Архипку грустятся убит<ь> невѣдомо за что*. А. Ворон. приказн. избы, оп. 3, № 770, 1. 1682 г. [9, вып. 4, с. 147];

б) предикаты, нейтральные к оппозиции по семам ‘преднамеренность/непреднамеренность каузации страха’: *испужати, отстрашати/отстрашити*;

в) предикаты, обозначающие каузацию чувства страха разной интенсивности: высокой (*застрастити, перестрашити, застращати, исстращати, перестращати, перепугати*) или низкой (*поострастити, попужати*);

г) репрезентантами причинной семантики становятся образные обороты, реализующие одну из продуктивных моделей метафорического переноса «эмоция – матери-

альный предмет»: *вонзити страхъ и трепеть, всѣяти страхъ, накладывати ужась, нала- гати страхъ, напустити боязнь и страхование, положити страх и трепет, приводити к страху, принести страх: И вонзи страхъ и трепеть въ сердца челоуѣча*. Пов. Бор. Год., 163. XVII в. [9, вып. 3, с. 20].

Таким образом, анализ эмотивов страха, представленных в языковой системе XV–XVII вв., свидетельствует о том, что семантическая эволюция данной группы протекала в русле общих закономерностей развития словарного состава русского языка. При этом особое значение имеет обогащение анализируемой парадигмы новыми языковыми единицами, которое происходит в процессе формальной и семантической деривации в основном за счет внутренних ресурсов, что подтверждает тезис Ф. П. Филина об исконно русской, общенародной основе современного русского языка [10]. Семантическая динамика эмотивов страха определялась рядом специфических тенденций, которые на протяжении XV–XVII вв. во многом противодействовали друг другу:

- 1) тенденция к синкретичному выражению пограничных значений, в частности стального и квалификативного, стального и каузативного и т.д. Этой закономерностью объясняется сохранявшаяся в течение всего изучаемого периода диффузность семантики эмотивов, способных обозначать целый спектр сходных по содержанию эмоций и их внешних симптомов, причем действенность данной тенденции обусловлена онтологической «размытостью» чувственной сферы;
- 2) тенденция к дифференцированному обозначению различных аспектов эмоций, которая определяла оппозиции эмотивов по таким семантическим признакам, как ‘степень интенсивности эмоции’, ‘длительность эмоции’, ‘характер внешнего выражения эмоции’ и т.д.;
- 3) тенденция к образной репрезентации эмотивной семантики, в соответствии с которой в систему языка непрерывно входят перифрастические сочетания, реализующие такие продуктивные модели метафорического и метонимического переноса, как «эмоция – пространственный объект», «эмоция – материальный предмет», «эмоция – живое существо», «эмоция – ее физиологический симптом» и т.д.

Литература

1. Борисова С. А. «Азь же того оубоявьса»: эмотивная лексика страха как характеристика князей в «Повести временных лет» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. №2. С. 61–75.
2. Бочкарев А. Е. О способах и средствах выражения страха в русской языковой картине мира // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. №3. С. 5–14.
3. Булатова А. М. Лексико-фразеологические средства репрезентации эмоционального концепта страх в немецком и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2015. 23 с.

4. Бычков Д. М., Крутова И. Н. Семантика дискурсивных вариаций эмотивов «страх» и «радость» в русской лингвокультуре // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. №11(113). Ч. 4. С. 138–141.
5. Калимуллина Л. А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: синхронный и диахронический аспекты (с привлечением материала славянских языков): автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Уфа, 2006. 48 с.
6. Кириллова Н. В. Концептуализация эмоции страха в разноструктурных языках (на материале русского, английского и чувашского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2007. 30 с.
7. Киселева Л. А., Ибрагимова Э. Р. Эмотивный потенциал лексических единиц в конфликтно-генных медиатекстах (на материале телевизионных ток-шоу) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 6. С. 1737–1742.
8. Киселева Л. А. Натурморфные образы в славянской и тюркской эмотивной фразеологии: параллели и контрасты // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2023. Т. 22. №1. С. 97–107.
9. СЛРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975. Вып. 1, 3, 4, 5, 6, 8, 12, 13.
10. Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981. 330 с.
11. Янь Кай. Анализ лексических средств выражения эмоций в современном русском языке и в художественных текстах И. А. Бунина (радость, удивление, страх): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 34 с.

Статья рекомендована к печати кафедрой русского языка и массовой коммуникации Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева (д-р. филол. наук, проф. Н. А. Илюхина).

Semantic originality of fear emotives in the Russian language: a diachronic aspect

L. A. Kiseleva

Samara National Research University
34 Moskovskoe rd., 443086 Samara, Russia.

Email: larisakiseleva2015@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the semantics of emotive units with the meaning of fear in the Russian language of the XV–XVII centuries. It is established that the semantic development of these

units was determined by the action of a number of laws: 1) syncretic expression of boundary values, in particular static and qualificative, static and causative, etc.; 2) differentiated designation of various aspects of emotions (degree of intensity, duration, external expression); 3) figurative description of emotions using models of metaphorical and metonymic transfer such as “emotion – a material object”, “emotion – a living being”, etc.

Keywords: emotions, emotivity, Russian language, semantics, diachrony.